

Гражданка, труженица, мать

Каждый год в первые дни марта в цветочных магазинах и киосках Москвы появляется мимоза. Метет снег, а цветы благоухают, — и ни мороз, ни ветер не могут погасить их нежную, скромную красоту... К вечеру восьмого марта по всей стране все цветы, которые расцветут в этом сроку, будут преподнесены материам, женам, подругам, женщиным — товарищам по заводу, институту, стройке. Это дальневидный труд в одном строю с мужчинами, за машины и станки, созданные ими, за новые дома и книги, за взрачный ими хлеб, за тысячи гектаров пшеницы, которые подали им их тракторы, за открытия в науке, за передовые методы труда, предложенные новаторами производства. Страна глубоко благодарна им и за трактористов и поэтов, каменщиков и пилотов, — за сыновей, которых они вырастили, за домашний уют и работу о семье, за ласку и отзывчивость.

Великая Октябрьская революция уничтожила одну из самых диких исторических несправедливостей — женское неравноправие. Советский строй раскрепостили женщины и раскрыл перед ними простор для творчества, для созидания. И наши женщины доказали, как могут они проявить себя во всех областях экономики и культуры,哪里, где в дело вложены их сильный, пронизательный ум, умелые руки, талант, любовь к людям.

Где бы вы ни жили — в столице, в яркой городе деревушки, в горном аулле, — откройте свою областную или районную газету за любой день, и вы обязательно прочтете о чудесных делах рядовых тружениц. Твердо веря в мудрую политику Коммунистической партии, трудятся женщины на всех участках форпостов национального хозяйства — тяжелой индустрии, борются за десятилетийский урожай, движутся вперед науки и культуры.

Скупые газетные строчки сообщают: бригада фрезеровщиц выполнила свою пятилетку; начальница станков уехала в Бийск обучать китайских подруг своей профессии; девушка-чайсан из забайкальского колхоза спасла от падежа отару овец; женщина хорошо знала наложенного дома, предложила всей семье перебраться с Украиной в китайские деревни. Она ходит из пещеры в пещеру, собирая подписи под Обращением Всемирного Совета Мира, и неграмотные женщины, такие же обездоленные и полные решимости, как она, прикладывают к нему палец, смоченный чернилами.

Для матери будущее — это ее дети. Советская женщина знает, что ее дети — строители коммунистического общества, смеющиеся и счастливые люди на земле. Женщина Алжира мечтает о том, чтобы ее сыновья имели работу, кусок хлеба, крышу над головой, а не своды пещер. Женщина Индии надеется, что у ее дочери будет свой клочек земли. И всем им для этого нужен мир.

«Мать — творит, она — охраняет, и говорить при ней о разрушении — значит говорить против нее... Мать — всегда против смерти!» — пишет Горький. Миллионы женщин в капиталистических странах трепещут за судьбы своих детей. Они всjomаются о прошедшей войне, о крови и руинах, и все решительные заявляют своим правительствам: мы растим своих сыновей и дочерей для счастья, а не для бойни.

— Это не должно повторяться! — говорят во всем мире женщины Советского Союза и вместе с ними их подруги во всем мире. Недавно 5-я сессия Совета Международной демократической федерации женщин, объединяющей 66 стран, приняла Обращение женщинам. «Хгросим, Нагасаки, Бикини, — говорится в нем, — являются для каждой матери олицетворением слепой жестокости атомной бомбы. Мы не можем допустить, чтобы такое оружие было вновь использовано. Объединившиеся с мощными силами мира всех стран, мы выываем его из рук тех, кто угрожает национальным детям».

Для того ли великийпольский химик Мария Юрий Склодовская вместе с мужем Пьером Юрии открыли явление радиоактивности, чтобы изогнать из открытия сегодня угрожающую миллиардам труженикам! Атомную энергию — только на мирные цели! Она — великий источник улучшения жизни, прогресса. Советские ученые, среди которых немало женщин, трудятся в лабораториях и научных институтах, чтобы с помощью атомной энергии победить болезни, чтобы расщепленный атом облегчил человеческий труд.

С каждым днем женщины земного шара по-настоящему ощущают острую необходимость отстоять мир. И от них зависит, чтобы на цветущую землю не легли темы атомных бомбардировщиков, чтобы зрели хлеба, плодоносные сады, мирно спали в колыбели детьми.

В 1910 году в Копенгагене состоялась международная конференция женщин-социалисток, на которой решено было отметить 8 марта как день борьбы за женское равноправие.

Через 43 года снова собрались в Копенгагене на конгрессе женщин земного шара. Как неизмеримо выросли их силы, насколько могущественнее стал их союз!

Одна из молодых матерей, присутствовавших на заседании конгресса, передала в президиум своего сынишку Розовецкого малыша под громовые аплодисменты зала.

Следующий год — 1954 — будет знаменателен для каждого из нас. В этот год для рабочих и не дает себе труда подумать, далеко ли придется ходить ездить в магазин, в прачечную. Есть тут для виновников самих женщин — значит недостаточно настойчивы те из них, кто работает в замке, кто избран в районный Совет, значит забывают они подчас, что забота о детях и материях является одной из важнейших забот Советского государства.

В США немало пишут о «кухонном комфорте», который создает для женщин американскую промышленность. Что же, вероятно, пока там больше, чем у нас, холодильников и стиральных машин. Но из-за того, что в горе все меньше американок решается на такие покупки, да и у тех из них, кто убирает сегодня пылесосом свою квартиру, нет никакой уверенности, что завтра за долги их не выбросят из этой квартиры на улицу, что через неделю муж не потер-

НАРОДЫ ОТСТОЯТ МИР!

для своих детей, помешать

самым людям горячо поддерживать Обращение Всемирного Совета Мира против подготовки атомной войны. Они полны решимости отстоять право на спокойное будущее осуществлению преступных замыслов

Неодолимая защита

Кто из нас не помнит проникновенного стихотворения Некрасова: «Винная ужасаючию войны, при каждой новой жертве...» и дальше о том великом горе матерей, которому нет исхода потому, что «там не забыть своих детей, погибших на кровавой ниве».

Старшее поколение людей пережило ужас многих войн. Не успели утихнуть страдания народов, рожденные последней войной, как возникла реальная угроза нового, еще более ужасного побоища. За короткий срок передышки можно расплатиться творческими силами народов, отдаванными восстановлению мирной жизни. Но после счастливой уверенности, что если не извсемя, то на долгое время отодвинулась от сознания человечества новая немыслимая трагедия взаимоистребления народов,

над миром нависло величайшее из бедствий — атомная война.

Проповедники атомной войны, ее идеологии и глашатаи, ненавистны миллионам простых людей, как хищники. Атомная энергия — величайшее открытие человеческого разума — должна быть использована исключительно в мирных целях, должна стать могучим двигателем прогресса, то есть служить задачам благоустройства на земле.

Такова воля народов. А воля народов, объединенных решимостью преградить путь новой войне, — мы твердо знаем, — станет неодолимой защитой жизни и человечества.

Ольга ФОРШ

ЛЕНИНГРАД

плот работы, и тогда в холодах никоему будет хладить...

Уверенность в завтрашнем дне, в будущем где, в растущем благополучии своей страны, своей семьи — вот чего нет ни у одной труженицы в капиталистической стране, которая несет на себе социалистический строй.

В американском «райе» труд женщин оплачивается на 30—40 процентов меньше мужского. При сокращении женщин первыми теряют работу. Там существуют сотни законов, оскорбляющих человеческое достоинство женщины. В законодательстве штата Арканзас говорится: «Если у какой-либо женщины рождается ребенок-мутант, то это уже само по себе доказательство виновности, не требующее дополнительных улик и являющееся основанием для того, чтобы осудить женщину»...

Что же тогда делается в колониальных и зависимых странах? Вот рядовая судьба женщины Алжира. Она родом из Кабилии, в 15 лет ее выдали замуж, с тех пор она не знает ничего, кроме жуткой беспросветной жизни. Семья живет в пещере. Медведь...

Цыновки на полу. У нее осталось в живых трех детей. Ее сыновья не знают, что значит учиться — школа для детей мусульман не хватает, из десяти мальчиков учится только один. Ее дети чистят ботинки, продают газеты, роются в мусорных ящиках. Муж — безработный. У этой женщины отняты права труженицы и гражданин, ей оставлено лишь право на слезы. Но она...

Что же тогда делается в колониальных и зависимых странах? Вот рядовая судьба женщины Алжира. Она родом из Кабилии, в 15 лет ее выдали замуж, с тех пор она не знает ничего, кроме жуткой беспросветной жизни. Семья живет в пещере. Медведь...

Цыновки на полу. У нее осталось в живых трех детей. Ее сыновья не знают, что значит учиться — школа для детей мусульман не хватает, из десяти мальчиков учится только один. Ее дети чистят ботинки, продают газеты, роются в мусорных ящиках. Муж — безработный. У этой женщины отняты права труженицы и гражданин, ей оставлено лишь право на слезы. Но она...

Что же тогда делается в колониальных и зависимых странах? Вот рядовая судьба женщины Алжира. Она родом из Кабилии, в 15 лет ее выдали замуж, с тех пор она не знает ничего, кроме жуткой беспросветной жизни. Семья живет в пещере. Медведь...

Цыновки на полу. У нее осталось в живых трех детей. Ее сыновья не знают, что значит учиться — школа для детей мусульман не хватает, из десяти мальчиков учится только один. Ее дети чистят ботинки, продают газеты, роются в мусорных ящиках. Муж — безработный. У этой женщины отняты права труженицы и гражданин, ей оставлено лишь право на слезы. Но она...

Что же тогда делается в колониальных и зависимых странах? Вот рядовая судьба женщины Алжира. Она родом из Кабилии, в 15 лет ее выдали замуж, с тех пор она не знает ничего, кроме жуткой беспросветной жизни. Семья живет в пещере. Медведь...

Цыновки на полу. У нее осталось в живых трех детей. Ее сыновья не знают, что значит учиться — школа для детей мусульман не хватает, из десяти мальчиков учится только один. Ее дети чистят ботинки, продают газеты, роются в мусорных ящиках. Муж — безработный. У этой женщины отняты права труженицы и гражданин, ей оставлено лишь право на слезы. Но она...

Что же тогда делается в колониальных и зависимых странах? Вот рядовая судьба женщины Алжира. Она родом из Кабилии, в 15 лет ее выдали замуж, с тех пор она не знает ничего, кроме жуткой беспросветной жизни. Семья живет в пещере. Медведь...

Цыновки на полу. У нее осталось в живых трех детей. Ее сыновья не знают, что значит учиться — школа для детей мусульман не хватает, из десяти мальчиков учится только один. Ее дети чистят ботинки, продают газеты, роются в мусорных ящиках. Муж — безработный. У этой женщины отняты права труженицы и гражданин, ей оставлено лишь право на слезы. Но она...

Что же тогда делается в колониальных и зависимых странах? Вот рядовая судьба женщины Алжира. Она родом из Кабилии, в 15 лет ее выдали замуж, с тех пор она не знает ничего, кроме жуткой беспросветной жизни. Семья живет в пещере. Медведь...

Цыновки на полу. У нее осталось в живых трех детей. Ее сыновья не знают, что значит учиться — школа для детей мусульман не хватает, из десяти мальчиков учится только один. Ее дети чистят ботинки, продают газеты, роются в мусорных ящиках. Муж — безработный. У этой женщины отняты права труженицы и гражданин, ей оставлено лишь право на слезы. Но она...

Что же тогда делается в колониальных и зависимых странах? Вот рядовая судьба женщины Алжира. Она родом из Кабилии, в 15 лет ее выдали замуж, с тех пор она не знает ничего, кроме жуткой беспросветной жизни. Семья живет в пещере. Медведь...

Цыновки на полу. У нее осталось в живых трех детей. Ее сыновья не знают, что значит учиться — школа для детей мусульман не хватает, из десяти мальчиков учится только один. Ее дети чистят ботинки, продают газеты, роются в мусорных ящиках. Муж — безработный. У этой женщины отняты права труженицы и гражданин, ей оставлено лишь право на слезы. Но она...

Что же тогда делается в колониальных и зависимых странах? Вот рядовая судьба женщины Алжира. Она родом из Кабилии, в 15 лет ее выдали замуж, с тех пор она не знает ничего, кроме жуткой беспросветной жизни. Семья живет в пещере. Медведь...

Цыновки на полу. У нее осталось в живых трех детей. Ее сыновья не знают, что значит учиться — школа для детей мусульман не хватает, из десяти мальчиков учится только один. Ее дети чистят ботинки, продают газеты, роются в мусорных ящиках. Муж — безработный. У этой женщины отняты права труженицы и гражданин, ей оставлено лишь право на слезы. Но она...

Что же тогда делается в колониальных и зависимых странах? Вот рядовая судьба женщины Алжира. Она родом из Кабилии, в 15 лет ее выдали замуж, с тех пор она не знает ничего, кроме жуткой беспросветной жизни. Семья живет в пещере. Медведь...

Цыновки на полу. У нее осталось в живых трех детей. Ее сыновья не знают, что значит учиться — школа для детей мусульман не хватает, из десяти мальчиков учится только один. Ее дети чистят ботинки, продают газеты, роются в мусорных ящиках. Муж — безработный. У этой женщины отняты права труженицы и гражданин, ей оставлено лишь право на слезы. Но она...

Что же тогда делается в колониальных и зависимых странах? Вот рядовая судьба женщины Алжира. Она родом из Кабилии, в 15 лет ее выдали замуж, с тех пор она не знает ничего, кроме жуткой беспросветной жизни. Семья живет в пещере. Медведь...

Цыновки на полу. У нее осталось в живых трех детей. Ее сыновья не знают, что значит учиться — школа для детей мусульман не хватает, из десяти мальчиков учится только один. Ее дети чистят ботинки, продают газеты, роются в мусорных ящиках. Муж — безработный. У этой женщины отняты права труженицы и гражданин, ей оставлено лишь право на слезы. Но она...

Что же тогда делается в колониальных и зависимых странах? Вот рядовая судьба женщины Алжира. Она родом из Кабилии, в 15 лет ее выдали замуж, с тех пор она не знает ничего, кроме жуткой беспросветной жизни. Семья живет в пещере. Медведь...

Цыновки на полу. У нее осталось в живых трех детей. Ее сыновья не знают, что значит учиться — школа для детей мусульман не хватает, из десяти мальчиков учится только один. Ее дети чистят ботинки, продают газеты, роются в мусорных ящиках. Муж — безработный. У этой женщины отняты права труженицы и гражданин, ей оставлено лишь право на слезы. Но она...

Что же тогда делается в колониальных и зависимых странах? Вот рядовая судьба женщины Алжира. Она родом из Кабилии, в 15 лет ее выдали замуж, с тех пор она не знает ничего, кроме жуткой беспросветной жизни. Семья живет в пещере. Медведь...

Цыновки на полу. У нее осталось в живых трех детей. Ее сыновья не знают, что значит учиться — школа для детей мусульман не хватает, из десяти мальчиков учится только один. Ее дети чистят ботинки, продают газеты, роются в мусорных ящиках. Муж — безработный. У этой женщины отняты права труженицы и гражданин, ей оставлено лишь право на слезы. Но она...

Что же тогда делается в колониальных и зависимых странах? Вот рядовая судьба женщины Алжира. Она родом из Кабилии, в 15 лет ее выдали замуж, с тех пор она не знает ничего, кроме жуткой беспросветной жизни. Семья живет в пещере. Медведь...

Цыновки на полу. У нее осталось в живых трех детей. Ее сыновья не знают, что значит учиться — школа для детей мусульман не хватает, из десяти мальчиков учится только один. Ее дети чистят ботинки, продают газеты, роются в мусорных ящиках. Муж — безработный. У этой женщины отняты права труженицы и гражданин, ей оставлено лишь право на слезы. Но она...

Что же тогда делается в колониальных и зависимых странах? Вот рядовая судьба женщины Алжира. Она родом из Кабилии, в 15 лет ее выдали замуж, с тех пор она не знает ничего, кроме жуткой беспросветной жизни. Семья живет в пещере. Медведь...

Цыновки на полу. У нее осталось в живых трех детей. Ее сыновья не знают, что значит учиться — школа для детей мусульман не хватает, из десяти мальчиков учится только один. Ее дети чистят ботинки, продают газеты, роются в мусорных ящиках. Муж — безработный. У этой женщины отняты права труженицы и гражданин, ей оставлено лишь право на слезы. Но она...

Что же тогда делается в колониальных и зависимых странах? Вот рядовая судьба женщины Алжира. Она родом из Кабилии, в 15 лет ее выдали замуж, с тех пор она не знает ничего, кроме жуткой беспросветной жизни. Семья живет в пещере. Медведь...

Цыновки на полу. У нее осталось в живых трех детей. Ее сыновья не знают, что значит учиться — школа для детей мусульман не хватает, из десяти мальчиков учится только один. Ее дети чистят ботинки, продают газеты, роются в мусор

МИЛЛИОНЫ ЖЕНЩИН — ЕДИНОЕ СЕРДЦЕ

Восьмое марта — женский день. Светлое светит солнце, стали продолжительнее дни, и хоть зима отступает, сопротивляясь, но все опущиме чистое лыхание весны, все ближе ее победное наступление.

Так естественно в этот день всем трудающимся, передовым женщинам мира с гордостью вспоминать о значительных достижениях, которых они добились в результате трудиной борьбы и дружеского единения, подумать о больших и светлых належах на будущее. Но черные тучи войны зловеще забродили по всему обширному небу над нашей планетой, и первоочередной задачей женщин всего мира, их главной задачей является борьба против угрозы войны.

Трудно себе представить, что найдется на земле женщина — труженица и мать или юная девушка, только что вышедшая на порог жизни, полная ощущения счастья и прекрасных ожиданий юности, которая не противна боя руки для крепкого рукоятания, что вместе с другими женщинами есть несокрушимый стеною, преградить дорогу войне. Сегодня уже многих женщин в Европе ясно, какую серьезную угрозу миру несет злоупотребление парижскими соглашениями, восстанавливавшие гитлеровский вермахт. И наши взоры с особенным сочувствием обращаются к французским женщинам, прекрасная родина которых сейчас сопротивляется стараниям врагов мира снова падет на ее щеку ярко покорности и бесстраствия.

Французские женщины... С детских лет, на школьной скамье, наши дети узнают замечательную жизнь простой крестьянской девушки из деревни Домреми — Жанны д'Арк, которая стала народной героиней Франции. «Патриотизм про-

стых людей, патриотизм Жанны д'Арк — французской крестьянки, пожиной ее королем и сожженной первоковы на костре, пронизывает всю нашу историю, как яркий луч света», — писал Морис Торез.

Где Монассан, писатель, которого так много вчитают и любят у нас, написал несколько превосходных новелл о патриотизме и бесстрашном простоте французских женщин? Это молодая лесничих Бертина из рассказа «Плененных», это Ранель из романа «Мадемуазель Фили». Поразительно современно, как это бывает в больших мастерствах искусства, звучит рассказ «Старуха Сова». Тетушка Сова постоянно думала о своем сыне, ушедшем на войну, о «сухопаром черноглазом молодце с ястребиным носом, с густыми усами, словно черной бахромой над верхней губой». (Иногда она получила письмо: «Госпожа Сова, это письмо приносит вам печальную весть. Ваш сын Виктор убит вчера ядром...»).

Старая женщина нашла в себе силы для мести. Она сожгла дом вместе с постыльцами — вражескими солдатами. Прусский офицер приказал расстрелять тетушку Сову...

Трижды подвергалась Франция нашествию германских милитаристов. Еще живы французские патриотки, влюблены солдат, погибших в первую мировую войну, еще не высохли слезы у матери-француженок, сыновья которых погибли во вторую мировую войну, а военные преступники размаживали атомной бомбой и снова пускают новой войной. Путь к этой войне лежит через перевооружение Западной Германии.

Французский народ отдает себе ясный отчет и в опасности, которая нависла над ним, и в от-

ветственности, которую он принимает на себя в своих решениях. Вместе со всем народом поднимают свой голос протеста против парижских соглашений французские женщины-патриотки. Понимают их.

Говорят мадам Лоран: «Мой единственный сын Марсель был расстрелян в Монруж, когда ему исполнилось 23 года. Марсель был слесарем-снаряженщиком и очень увлекался авиацией. Его расстреляли 1944 года, а через пять месяцев в концлагере, в Гавенбрюкке, умерла его жена. Неволило лилось счастье моего сына и его жены? У них осталось двое ребятишек. И я у них ошила. Монике 12 лет, Блулу — 11. Ему было только три месяца, когда у него умерла мать». Мадам Лоран — жительница города Витри. Она поставила свою подпись под воззванием 115 женщин Витри, призывающим горожан действовать, чтоб заставить Советскую Республику отклонить военное соглашение.

Вот история госпожи Кере. У нее было четверо сыновей. Старшего звали Альбер, ему было 28 лет, когда его расстреляли гитлеровцы. Второй — Жозеф, 24 лет, тоже был расстрелян нацистами. Третий — Жильбер погиб за Францию в бою. Самый младший, которого ласково называли Лили, был тяжело ранен в последний день войны. Ему было 20 лет. После смерти Лили говорили: «Бедный папа и мама, ведь у них нет никого, кроме меня».

На кладбище Кернвиль прохожие могут увидеть могилу, за которой любовно ухаживают. Над гранитной плитой распустились цветы, напоминающие всем, что матеря отдала четырех своих сыновей за то, чтобы Франция могла жить свободно и в мире. Госпожа Кере живет там, где страдала во

время войны, возле крепости, где мучили ее сыновей, исподлобью от города, в котором находилась штаб гитлеровского адмирала Деница.

Странное горе не сломило ее воли. «Пусть память о погибших за Францию сыновьях и погибшей матери задут мне силы борьбы», — говорит она.

Кто не склонит почтительно головы перед величом горем и величом мужеством этой французской матери, которая говорит «Нет!» страшному призраку войны!

А вот письмо молодой француженки Магдалины Лешина: «Мне было 16 лет, когда началась война. Она обрала беззаботность и радость моей молодости... Как сейчас, вижу нескончаемые потоки беженцев, перенесших ужасы эвакуации и бомбардировок... Перед глазами пять трупов на плечах Бельгии. Это партизаны (двое из них мои лучшие друзья).

Вспоминаю обо всем, и сейчас я, мать троих детей, не хочу, чтоб мои дети и дети матери всего мира узнали, что такое война со всеми ее жертвами и страданиями».

Так в простых человеческих словах простых французских женщин звучат мысли и чувства миллионов женщин всего земного шара. Оградить своих детей от страданий войны, своих мужей и сыновей от смерти и увечья, свою страну от разрушений — эта забота наполняет все женские сердца тревогой, протестом, стремлением к действию.

Восьмого марта — в день товарищеского единения женщин всего мира — с особенной силой звучит их голос: — Мы не допустим войны!

В. ЛЮБИМОВА

Этот снимок сделан корреспондентом французского журнала «Фам франсе» в Париже, на выставке-защиту детей.

Яо Фэн-лань из Сичжангэна

Недавно я побывала в деревне Сичжангэнь, уезда Цзинь, провинции Шаньси. Я приехала как раз к открытию общего собрания членов сельскохозяйственного производственного кооператива, на котором подводились итоги года.

Хорошо поработали сичжангэньские кооператоры! С каждого му¹ земли они сняли пшеницы на 49 циней² и хлопка на 61 цинь больше, чем в 1953 году. Выросли и доходы крестьян. На трудолюбие инициативы пришли по тридцать тысяч юаней³, в прошлом году выплачивали две тысячи.

Бога кончилось собрание, и подошла к председателю кооператива товарищи Ян Ши-цзюнь и спросили его: что помогло им добиться таких результатов?

— Это благодаря нашим женщиным.

— Женщинам?

— Да, женщинам, — подтвердила она, кивнув головой. — Если бы не они, мы никогда не получили бы таких результатов.

— В прошлом году, — продолжал Ян Ши-цзюнь, — когда мы начали привлекать женщин к полевым работам, начались мужчины, которые заявляли: «Только времена терять, какая от женщин польза?». А теперь? Теперь мужчины говорят: «Кто же посмеет смотреть на женщин с пренебрежением?»

— Вы спрашиваете, почему женщины кооператива так хорошо трудаются? Главная заслуга в этом нашего заместителя председателя, товарища Яо Фэн-лань...

Три дня не удавалось мне встретиться с Яо Фэн-лань.

На третий день, когда я пришла к Яо Фэн-лань, дома были только свекровь и свекровь.

Старушка сидела на краю кана, держала на руках маленькую девочку, а перед ней промстилась на полу, забавляя ребенка цветной коробкой от папирос. Увидев меня, свекровь сказала:

— Да, сегодня у Фэн-лань опять нет свободного времени. Присаживайтесь.

Девочка у Фэн-лань замечательна. Особенно хороши большие черные глаза. Вот она бесстрашно посмотрели на меня и тут же улыбнулись. Я шутливо сказала:

— У Яо Фэн-лань, как руководящего работника, даже малютка, паверное, уже существует в сознании.

Старушки сидела на краю кана, держала на руках маленькую девочку, а перед ней промстилась на полу, забавляя ребенка цветной коробкой от папирос. Увидев меня, свекровь сказала:

— Да, сегодня у Фэн-лань опять нет свободного времени. Присаживайтесь.

Девочка у Фэн-лань замечательна. Особенно хороши большие черные глаза. Вот она бесстрашно посмотрели на меня и тут же улыбнулись. Я шутливо сказала:

— А кто скажет, что нет?

Ева девочка исполнился месяц, как люди выбрали Фэн-лань делегатом в уезд. Она уехала на

собрание народных пред-

ставителей. И отправи-

лась туда же с ребен-

ком. Кто бы мог поду-

мать, что в уезде Фэн-

лань выберут депутатом и в провинцию, а мне придется ехать с девочкой дальше.

Она явно гордилась такой хорошей сно-

хой.

И столько прожила на свете, но ни-

когда не выезжала из деревни, а с винчай-

кой успела побывать и в уезде и в про-

винциональном городе Тайюани.

Она поиняла девочку на руки и, целуя ее, сказала:

— Скорей рости, вырастешь большая,

попевзань, бабушку поглядеть Пекин.

И рассчитывала посидеть здесь

на полях.

Она ходила из одной семьи в другую, обегала все улицы и переулки, говорила, увещевала. Но среди молодых и здоровых женщин, а их немало в кооперативе, нашлась всяго пять-шесть, которые пошли за ней.

Ио Фэн-лань много беседовала с кре-

стьянками, но домашние заботы не позво-

ляли им выкроить даже шан, то есть под-

няли свободного времени для полевых ра-

бот. А в то время в кооперативе работу

засчитывали только за целый шан. Тому,

который проработает меньше, чем полдня, ни-

что не записывали.

Но и это не все. В этих краях существует такая обычай: свекровь в зависимости от количества детей ежегодно выдается снохе определенное количество хлопка, из которого должна сама выткать материи, чтобы пошить одежду для себя и своего мужа. Молодые женщины опасались, что у них не останется времени приступить к тканью.

Фэн-лань много беседовала с кре-

стьянами, чтобы работа оплачивалась не по

шанам, а по часам. И сразу же число жен-

щин, трудившихся на полях, увеличилось до 20, но все же это было еще меньше.

Ио Фэн-лань предложила правлению кооп-

ератива, чтобы работа оплачивалась не по

шанам, а по часам. И сразу же число жен-

щин, трудившихся на полях, увеличилось до 20, но все же это было еще меньше.

Ио Фэн-лань предложила правлению кооп-

ератива, чтобы работа оплачивалась не по

шанам, а по часам. И сразу же число жен-

щин, трудившихся на полях, увеличилось до 20, но все же это было еще меньше.

Ио Фэн-лань предложила правлению кооп-

ератива, чтобы работа оплачивалась не по

шанам, а по часам. И сразу же число жен-

щин, трудившихся на полях, увеличилось до 20, но все же это было еще меньше.

Ио Фэн-лань предложила правлению кооп-

ератива, чтобы работа оплачивалась не по

шанам, а по часам. И сразу же число жен-

щин, трудившихся на полях, увеличилось до 20, но все же это было еще меньше.

Ио Фэн-лань предложила правлению кооп-

ератива, чтобы работа оплачивалась не по

шанам, а по часам. И сразу же число жен-

щин, трудившихся на полях, увеличилось до 20, но все же это было еще меньше.

Ио Фэн-лань предложила правлению кооп-

ератива, чтобы работа оплачивалась не по

шанам, а по часам. И сразу же число жен-

щин, трудившихся на полях, увеличилось до 20, но все же это было еще меньше.

Ио Фэн-лань предложила правлению кооп-

ератива, чтобы работа оплачивалась не по

шанам, а по часам. И сразу же число жен-

щин, трудившихся на полях, увеличилось до 20, но все же это было еще меньше.

Ио Фэн-лань предложила правлению кооп-

ератива, чтобы работа оплачивалась не по

шанам, а по часам. И сразу же число жен-

щин, трудившихся на полях, увеличилось до 20, но все же это было еще меньше.